

I. Правый радикализм в сегодняшней Украине*

Введение

Андреас Умланд

Исследования современных украинских ультранационалистических партий – с чистого листа: четыре причины недостаточного изучения постсоветских правоэкстремистских движений в Украине**

Эта секция, состоящая из пяти статей о Всеукраинском объединении «Свобода», видимо, является первым крупным академическим проектом о сегодняшнем украинском радикальном национализме¹. Поразительно, как мало внимания социальные науки пока уделяли правому экстремизму в поздней и постсоветской Украине. Эта проблема касалась исследований не только неукраинских постсоветологов, но и украинских обществоведов, как историков, так и политологов, в равной мере украинистов изучающих постсоветское общество, как и компаративистов международного правого экстремизма – на протяжении вот уже четверти века. Откуда такое странное академическое невнимание к, казалось бы, важной теме постсоветских студий и, ввиду взрывоопасности феномена, серьезному вызову для европейской безопасности?

Одной мнимой причиной длительного игнорирования, ранее обсуждаемый нами², был ограниченный успех украинских крайне правых партий на нацио-

* Редакторы *Форума* выражают глубокую благодарность Антону Шеховцову за его участие в редактировании этой секции. Параллельно с этим проектом сейчас готовятся другие специальные секции или выпуски с новыми статьями или переводами старых статей об историческом и сегодняшнем украинском радикальном национализме в следующих изданиях *Форума* и печатных журналов *Russian Politics and Law* (Российская политика и право, Вашингтон) и *Communist and Post-Communist Studies* (Коммунистические и посткоммунистические студий, Беркли)..

** Ранние версии этой статьи были опубликованы на вебсайтах *Украинская правда*, *Historians.in.ua* и *Tribuna.com.ua*.

¹ Для сравнения см. мой обзор состояния исследований российского правого экстремизма на конец 2008 г.: Умланд А. Расцвет русского ультранационализма и становление сообщества его исследователей // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. Т. 6. № 1. С. 5-38. Некоторые замечания этого обзора также относятся к предмету этой статьи.

² Умланд А. Крайне слабые // Корреспондент. 21 июня 2008. <http://blogs.korrespondent.net/opinions/497561-mnenie-krajne-slabye>. Последнее посещение 9 августа 2013; Umland A. Die andere Anomalie der Ukraine: Ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen // Ukraine-Analysen. 2008. №

нальных выборах Украины до октября 2012 года. Эта особенность до недавнего времени резко отличала Украину от многих ей сопоставимых стран, таких как Польша, Словакия, Румыния, Венгрия, Болгария, Сербия или Россия. В связи с этим, в течение первых двадцати лет относительного политического плюрализма в Украине, т.е. примерно с 1989 г. по 2009 г., о современном радикальном национализме было опубликовано всего лишь несколько более или менее информативных публицистических и научных работ³.

Только после поразительного успеха Всеукраинского объединения «Свобода» на местных и региональных выборах 2009-2010 гг. данная тема привлекла повышенный интерес специалистов по политике Украины, а также со стороны украинского общества в целом. С тех пор количество сначала журналистских, а затем и академических публикаций об украинском постсоветском правом радикализме стремительно растет⁴. К тому же, параллельно возникает отдельный, своеобраз-

41. Р. 7-11; Умланд А. На радикалів немає Ради // Критика. 2011. Т. 15. № 7-8(165-166). Р. 8-9; он же, Шеховцов А. Націонал-екстремізм, що не відбувся? Праворадикальна партійна політика в пострадянській Україні та загадка електоральної маргінальності українських ультранационалістів у 1994–2009 роках // Політична критика. 2011. № 2. С. 17-34.

³ См., напр., в хронологическом порядке: Kuzio T. Ukrainian Paramilitaries // Jane's Intelligence Review. 1992. Vol. 4. № 12. Р. 540-541; idem. Paramilitaries in Ukraine // Jane's Intelligence Review, 1994. Vol. 6. № 3. Р. 123-125; Nahaylo B. Ukraine // The Politics of Intolerance. Special Issue: RFE/RL Research Report. 1994. Vol. 3. № 16. Р. 42-49; Нагайло Б. Крайні праві організації в Україні // Спостерігач. 1994. № 6. <http://www.ucipr.kiev.ua/publications/kraini-pravi-organizatciiiv-ukraini/>. Последнее посещение 3 сентября 2013; Бендза Г. УНА-УНСО: Нове обличчя? // Студії політологічного центру «Генеза». 1997. № 1. Р. 48-51; Kuzio T. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine before and after Independence: The Right and its Politics, 1989-1994 // Nationalities Papers. 1997. Vol. 25. № 2. Р. 211-242; Dymerskaya-Tsigelman L., Finberg L. Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy // Analysis of Current Trends in Antisemitism. 1999. № 14; Solchanyk R. The Radical Right in Ukraine // The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989 / Ed. S.P. Ramet. University Park, 1999. Р. 279-296, 357-358; Kubicek P. What Happened to the Nationalists in Ukraine? // Nationalism and Ethnic Politics. 1999. Vol. 5. № 1. Р. 29-45; Лихачев В. Укрощение строптивых: антисемитизм как PR-стратегия // Хадашот. 2004. № 2 (108). <http://vaadua.org/Hadasot/Had108/07.htm>. Последнее посещение 9 августа 2013; он же. Антисемитизм как политтехнология (на примере президентских выборов в Украине) // Тирош: труды по иудаике. 2005. Вып. VII. С. 220-235; Ivakhiv A. In Search of Deeper Identities Neopaganism and «Native Faith» in Contemporary Ukraine // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions. 2005. Vol. 8. № 3. Р. 7-38; Авербух С. Новый антисемитизм в Украине. Киев, 2005; Рябченко В. Правий фланг в Україні: досвід виборчих перегонів // Депутат. 2005-2006. № 1. <http://banderivets.ho.ua/index.php?page=pages/zmista/zmista320>. Последнее посещение 14 июля 2013; Rudling P.A. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology // Canadian-Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 1-2. Р. 81-119; Галушко К. Битий шлях археології до нацизму, або які «теорії» ми обговорюємо // Новітні міфи та фальшивки про проходження українців / Упоряд. Ю. Олійник. Київ, 2008. Р. 11-28; Kuzio T. Populist-Nationalists in Ukraine // Ukraine Analyst. 2009. Vol. 1. № 16. Р. 1-4.

⁴ См., напр., в хронологическом порядке: Андрищенко Е. Об'єднання «Державна самостійність України» у політичному житті 1989-2003 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2010. Вип. XXIX. Р. 232-238; Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994-2009 гг. // Ab Imperio. 2010. № 2. С. 219-247; Умланд А. Упадок украинской демократии, восход Всеукраинского объединения

«Свобода» и подрыв международного имиджа Киева // *Geopolitika*. 2010. 30 октября. <http://www.geopolitika.lt/index.php?artc=4304>. Последнее посещение 9 августа 2013; он же. Трансформация украинского партийного спектра: Политические причины и последствия взлета Всеукраинского Объединения «Свобода» // *Полит.ру: Аналитика*. 2010. 20 декабря. <http://www.polit.ru/institutes/2010/12/20/ukraine.html>. Последнее посещение 9 августа 2013; Shekhovtsov A. The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. № 2. P. 203-228; Атанасов В. Стидка утопія «Свободи»: чого соціал-націоналісти хочуть насправді? // *Політична критика*. 2011. № 2. P. 36-50; Андрущенко Е. Парамілітарні структури українського націоналістичного руху 90-х рр. ХХ ст. // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2011. Вип. XXX. P. 42-51; Shekhovtsov A. State of the Far Right in Ukraine. Parts 1-3 // *Searchlight*. November 2011. P. 29. December 2011. P. 28-29. January 2012. P. 32-33; Umland A. Ukraine Right-Wing Politics: Is the Genie Out of the Bottle? // *Open Democracy*. 2011. 3 January. <http://www.opendemocracy.net/od-russia/andreas-umland/ukraine-right-wing-politics-is-genie-out-of-bottle>. Последнее посещение 9 августа 2013; Атанасов В. Особливості націонал-радикальної джінси // *Медіаграмотність*. 10 мая 2011. <http://osvita.mediasapiens.ua/material/2505>. Последнее посещение 9 августа 2013; Atanasov V. Three Sources of Ukraine's «FREEDOM»: Nationalism, Xenophobia and the «Social Issue» // *Transform! Journal*. 2011. № 8. <http://transform-network.net/journal/issue-082011/news/detail/Journal/three-sources-of-ukraines-freedom-nationalism-xenophobia-and-the-social-issue.html>. Последнее посещение 8 февраля 2012; Ольшанський Т.А. Партія «Свобода»: нова якість українських правих // *Незалежний культурологічний часопис «Ї»*. 5 июля 2011. http://www.ji-magazine.lviv.ua/anons/olshansky_5_07.htm. Последнее посещение 9 августа 2013; Polyakova A. Organizing Nationalism: How the Radical Right Succeeds and Fails in Ukraine // *IREX Scholar Research Brief*. 2012. February. http://www.irex.org/sites/default/files/Scholar%20Research%20Brief_Polyakova.pdf. Последнее посещение 9 августа 2013; Katchanovski I. Ukrainian «Freedom» Party Should Be Ringing Alarm Bells // *Open Democracy*. 21 марта 2012. <http://www.opendemocracy.net/od-russia/ivan-katchanovski/ukrainian-%E2%80%98freedom%E2%80%99-party-should-be-ringing-alarm-bells>. Последнее посещение 9 августа 2013; Shekhovtsov A., Umland A. Die Entstehung des ukrainophonen parteiförmigen Rechtsextremismus in der Ukraine der 1990er // *Ukraine-Analysen*. 2012. № 105. P. 15-17; Shekhovtsov A. European Far-right Activists Gather in Lviv // *Searchlight*. April 2012. P. 30-31; idem. The West on Ukraine: When «Anti-Racism» Becomes Xenophobia // *Open Democracy*. 8 June 2012. <http://opendemocracy.net/od-russia/anton-shekhovtsov/west-on-ukraine-when-%E2%80%98anti-racism%E2%80%99-becomes-xenophobia/>. Последнее посещение 27 июня 2013; idem. Security Threats and the Ukrainian Far Right // *Open Democracy*. 24 July 2012. <http://www.opendemocracy.net/opensecurity/anton-shekhovtsov/security-threats-and-ukrainian-far-right>. Последнее посещение 9 августа 2013; Rudling P.A. Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary Ukraine // *Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe: From Local to Transnational* / Ed. A. Mammone, E. Godin, B. Jenkins. L., 2012. P. 189-205; Rudling P.A. The Return of the Ukrainian Far Right: The Case of VO Svoboda // *Analyzing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text* / Ed. R. Wodak, J.E. Richardson. L., 2012. P. 228-255; Возняк Т. Неонацизм і ВО «Свобода» // *Українська правда*. 27 октября 2011. <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/10/27/6708115/>. Последнее посещение 9 августа 2013; Gosh M. The Extreme Right in Ukraine // *Friedrich-Ebert-Stiftung International Policy Analysis*. 2012. October. <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/09407.pdf>. Последнее посещение 9 августа 2013; Лукшиц Ю. Критика ВО «Свобода»: аналитика. <http://lib.rus.ec/b/392520/download>. Последнее посещение 2 августа 2013; Лихачев В. Правый экстремизм в Украине на подъеме, ч. 1 // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 29 октября 2012. <http://eajc.org/page18/news34105.html>; он же. Правый экстремизм в Украине на подъеме, ч. 2 // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 29 октября 2012. <http://eajc.org/page18/news34106.html>. Последнее посещение 9 августа 2013; Shekhovtsov A. Ukraine: The Far Right in Parliament for the First Time // *Open Democracy*. 1 November 2012. <http://www.opendemocracy.net/od-russia/anton-shekhovtsov/ukraine-far-right-in-parliament-for-first-time>. Последнее посещение 9 августа 2013; Umland A. Nichtideologische Motivationen der Swo-

ный пласт пропагандистской, публицистической и/или дилетантской антиукраинской литературы при иногда явной поддержке российских структур или промосковских сил⁵. Хотя они иногда предъявляют интересную (правда, часто искаженную) информацию и поэтому не должны полностью игнорироваться, к текстам, высказываниям и конференциям этих самопровозглашенных «антифашистов» стоит относиться осторожно⁶.

boda-Wähler: Hypothesen zum Elektorat der ukrainischen radikalen Nationalisten bei den Parlamentswahlen vom Oktober 2012 // *Ukraine-Analysen*. 2012. № 109. P. 8-9; Лихачев В. Социал-националисты в Раде: как они туда попали и чего от них ждать // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 15 ноября 2012. <http://eajc.org/page18/news34514.html>. Последнее посещение 9 августа 2013; Shekhovtsov A., Umland A. Der verspätete Aufstieg des ukrainophonen Rechtsradikalismus // *Ost-West: Europäische Perspektiven*. 2013. Vol. 13, № 3. P. 211-217; Лихачев В. Тягнибок и все-все-все: «Свобода» в общеевропейском контексте // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 10 февраля 2013. <http://eajc.org/page18/news36306.html>. Последнее посещение 9 августа 2013; Umland A. Eine typische Spielart von europäischem Rechtsradikalismus? Drei Besonderheiten der ukrainischen Freiheitspartei aus vergleichender Perspektive // *Ukraine-Analysen*. 2013. № 117. P. 5-9; Shekhovtsov A. From Para-Militarism to Radical Right-Wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-right Party Svoboda // *Right Wing Populism in Europe: Politics and Discourse* / Ed. R. Wodak, B. Mral, M. Khosravinik. L., 2013. P. 249-263; Likhachev V. Right-Wing Extremism in Ukraine: The Phenomenon of Svoboda. Kyiv, 2013; Shekhovtsov A. The Ukrainian Extreme Right Seen From Inside and Out // *IWM Post*. 2013. № 111. P. 28; idem. The Old and New European Friends of Ukraine's Far-Right Svoboda Party // *Searchlight*. 2013. August-September. P. 5-7. <http://searchlightmagazine.com/archive/the-old-and-new-european-friends-of-ukraine%E2%80%99s-far-right-svoboda-party>. Последнее посещение 3 сентября 2013; Шеховцов А. Старі та нові друзі української ультраправої партії «Свобода» // *Спільне*. 9 сентября 2013. <http://commons.com.ua/?p=15372>. Последнее посещение 29 сентября 2013; Возняк Т. Початок кінця // *Майдан*. 4 октября 2013. <http://maidanua.org/2013/10/taras-voznjak-pochatok-kintsya/>. Последнее посещение 4 октября 2013; Белицер Н. Електоральний успіх ВО «Свобода»: причини й очікування // *Парламентські вибори в Україні 2012 року: матеріали міжнародної конференції ІПіЕНД*. Київ, 2013. В печати; Шеховцов А. Всеукраїнське об'єднання «Свобода»: проблема легітимності боротьби за владу // *Україна модерна*. 2013. № 20. В печати; Белицер Н. Всеукраинское объединение «Свобода» и его электорат в контексте парламентских выборов 2012 г.: ожидания, результаты, оценки, перспективы // *Идеология и политика*. 2013. № 2(4). В печати; Umland A. Starting Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism Studies from Scratch: Guest Editor's Introduction // *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. № 5. В печати; Shekhovtsov A., Umland A. Ultraright Party Politics in Post-Soviet Ukraine and the Puzzle of the Electoral Marginalism of Ukrainian Ultranationalists in 1994–2009 // *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. № 5. В печати; Likhachev V. Right-Wing Extremism on the Rise in Ukraine // *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. № 5. В печати; idem. Social-Nationalists in the Ukrainian Parliament: How They Got There and What We Can Expect of Them // *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. № 5. В печати; Umland A. A Typical Variety of European Right-Wing Radicalism? // *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. № 5. В печати.

⁵ Напр.: Бышок С. [консультант миссии СНГ по наблюдению за выборами, т.е. полит-технологического проекта Кремля – А.У.] *Иллюзия Свободы: куда тянет Украину Тягнибок*. Третье изд. М., 2013; Wagner H. [бывший сотрудник МГБ ГДР, т.е. «Штази» – А.У.] *Rechte in der Rada: «Swoboda», Nationalismus und Kollaboration mit den Faschisten in der Ukraine und in Europa*. Berlin, 2013.

⁶ Лихачев В. Антисемитизм как PR-стратегия-II. Часть 1 // *Хадашот*. 2010. № 9 (158). <http://www.vaadua.org/Hadashot%202010/Hadashot%2005-2010/Had%2001-05-2010.html>. Последнее посещение 9 августа 2013; он же. Антисемитизм как PR-стратегия-II. Часть 2 // *Хадашот*. 2010. № 10 (159). <http://www.vaadua.org/Hadashot%202010/Hadashot%2006-2010/Had%2004-06->

В любом случае, существенное опоздание в возникновении исследований постсоветских украинских правоэкстремистских движений вряд ли объясняется только относительным электоральным неуспехом соответствующих групп до региональных выборов в Тернопольской области весной 2009 г. И в предыдущий период – т.е. до того как «Свобода» приобрела общенациональную известность – можно было расследовать не только целый ряд более или менее радикальных этно-националистических организаций и групп, преимущественно имеющих свою базу в западной Украине, как, например, Социал-национальную партию Украины (СНПУ), Конгресс украинских националистов (КУН) или Украинскую национальную ассамблею – Украинскую народную самооборону (УНА-УНСО).

К разряду своеобразных реакционно настроенных и откровенно антилиберальных партий, помимо ряда мелких панславистских организаций («Русский блок», «Родина» и др.), стоит также отнести неверно названую Прогрессивно-социалистическую партию Украины (ПСПУ), которая была популярна и представлена в ряде региональных и местных советах восточной и южной Украины в течении многих лет⁷. ПСПУ, как пророссийская радикально националистическая сила, играла на национальном уровне заметную политическую роль до и после 2000 года, когда у партии была небольшая фракция в Верховной Раде, а ее лидер Наталья Витренко претендовала на роль серьезного кандидата в Президенты Украины. В определенном смысле ещё более значительную Коммунистическую партию Украины тоже можно отнести к этим всего лишь условно левым партиям Украины⁸, для которых не только и не столько их официальная левая социально-экономическая доктрина⁹, сколько их реальная ориентация на Москву и некую общерусскую, православную, восточнославянскую, евразийскую или т.п. цивилизацию являются главными идеологическими прерогативами¹⁰.

Если же рассматривать концепцию политического экстремизма в ещё более широком смысле, то первоочередной задачей исследований украинского парано-

2010.html. Последнее посещение 9 августа 2013; он же. «Украина без нацизма» — что это? // Без границ. 7 июля 2011. <http://noborders.org.ua/ru/o-nas/novosti/ukrayna-bez-natsyzma-cto-eto/>. Последнее посещение 9 августа 2013.

⁷ Умланд А. Фашистский друг Витренко // Украинская правда. 26 сентября 2006. <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2006/9/27/46953.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009; он же. Александр Дугин, европейский фашизм и Витренко: Что общего? // Украинская правда. 20 июля 2007. <http://www.pravda.com.ua/news/2007/7/20/61687.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009.

⁸ Haran O. Die linken Parteien der Ukraine // Berichte des BIOst. 2000. № 27. P. 1-40; idem. Can Ukrainian Communists and Socialists Evolve to Social Democracy? // Demokratizatsiya. 2001. Vol. 9. № 4. P. 570-587; Wilson A. Reinventing the Ukrainian Left: Assessing Adaptability and Change, 1991-2000 // Slavonic and East European Review. 2002. Vol. 80. № 1. P. 21-59.

⁹ Ідеологічне позиціонування політичних партій в Україні / Упоряд. Укр. незалеж. центр політ. дослідж. (С.Г. Конончук, О.А. Ярош). К., 2013. P. 35-39.

¹⁰ Так, например, лидер КПУ Петр Симоненко в 2003 г. был награжден орденом равноапостольного князя Владимира. Орден Симоненко вручил председатель УПЦ-МП митрополит Владимир. Сегодня. 24 июня 2003. <http://www.segodnya.ua/oldarchive/c2256713004f33f5c2256d4e004cb8d3.html>. Последнее посещение 9 августа 2013.

идного антизападничества, постсоветского авторитаризма и откровенного антилиберализма был бы анализ идеологии и риторики Партии регионов или, по крайней мере, части дискурса и действий сегодняшней правящей партии Украины. В 2011 г. Тарас Кузио в своей статье «Советские конспирологические теории и политическая культура Украины», например, предложил рассматривать Януковича не только как клептократического диктатора, но и как последователя и пропагандиста неосоветской, антиамериканской теории заговора для объяснения «оранжевой революции»¹¹. Недавно Михаэль Мозер в своей оригинальной монографии *Языковая политика и дискурс о языках в Украине* детально продемонстрировал высокий заряд парадоксальной украинофобии в культурной и образовательной политике первых двух лет президентства Януковича¹².

Таким образом, длительное относительное невнимание к проблеме постсоветской политической ксенофобии и конспирологии в Украине со стороны украинских историков и политологов, а также со стороны международного сообщества славистов и специалистов по правому радикализму и интегральному национализму вызывает удивление. Можно выделить, среди прочих, четыре причины сложившейся неудовлетворительной ситуации, которые частично касаются состояния исследований правоэкстремистских тенденций и в некоторых других посткоммунистических стран Восточной Европы и Западных Балкан.

Слаборазвитость украинистики

Первая и, пожалуй, наиболее веская причина почти полного отсутствия научно-исследовательской литературы об украинских крайне правых заключается в том простом факте, что общество и политика сегодняшней Украины в целом являются плохо изученными. Академическая украинистика представляет собой непропорционально малую субдисциплину восточноевропейских студий в общем и посткоммунистических исследований в частности. Это печальное состояние дел является отражением низкого статуса Украины и украинского языка в западном и не-западном обществах в целом.

Для сравнения, руссиеведение – включающее как советологию, так и исследования до- и посткоммунистического периодов российской истории – представляет собой относительно хорошо развитую дисциплину, в которую входят сотни более или менее продуктивных штатных и нештатных исследователей и коммен-

¹¹ Kuzio T. Soviet Conspiracy Theories and Political Culture in Ukraine: Understanding Viktor Yanukovich and the Party of Regions // *Communist and Post-Communist Studies*. 2011. Vol. 44. P. 221-232. Исследования панславистских разновидностей радикального национализма в Украине еще менее развиты, чем изучение этно-центристского украинского экстремизма.

¹² Moser M. *Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine under President Viktor Yanukovich (25 February 2010 – 28 October 2012)*. *Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. Vol. 123. Stuttgart, 2013.

таторов по всему миру. Сообщество видных международных экспертов по Украине, напротив, является небольшим клубом нескольких десятков часто изолированных специалистов в Европе и Северной Америке, которые, в основном, играют незначительную роль в своих научных дисциплинах, таких как славистика, политология или история. В настоящее время во всем мире есть только два действительно значительных центра по исследованию Украины: Украинский исследовательский институт Гарвардского университета (HURI) в Кембридже в штате Массачусетс и Канадский институт украинских студий (CIUS) в Эдмонтоне в провинции Альберта.

Стандартные регионоведческие центры по изучению Евразии и/или Восточной Европы исследовательских университетах по всему миру зачастую уделяют мало внимания украинским темам. Количество западных периодических научных изданий, специализирующихся на Украине, за последние годы несколько выросло, но их все еще мало (*Journal of Ukrainian Studies, Harvard Ukrainian Studies, Journal of Ukrainian Politics and Society, Ukraine-Analysen* и др.). И это несмотря на то, что Украина по своей территории является самой большой страной, полностью располагающейся в Европе. Имея более 45 миллионов жителей, Украина также является демографически значимым европейским государством. Более того, она является сегодня геополитически, в чем-то, решающей страной на постсоветском пространстве. Успех или же неуспех государственного и национального строительства в Украине, равно как и ее процесса европейской интеграции, будет иметь далеко идущие последствия за пределами Украины – прежде всего, в России и Беларуси, но также, в определенной мере, на Южном Кавказе и в Средней Азии. Судьба молодого украинского государства будет в значительной мере определять стабильность и устойчивость новой европейской системы безопасности, возникшей после окончания «холодной войны».

Тем не менее, спустя более двадцати лет после приобретения независимости, Украина остается третьестепенной темой в международной журналистике, политике, научной и культурной жизни. Украинский часто считается «малым» языком в филологии, подготовке переводчиков, литературоведении и культурологии. По этим причинам, и политика и, в меньшей степени, история Украины оказываются недостаточно исследованными. В настоящее время почти полное игнорирование постсоветского украинского правого радикализма является, таким образом, лишь следствием печального положения дел в международной украинистике в целом.

Деформация постсоветской политологии

Во-вторых, развитие посткоммунистической, в том числе и украинской, политологии происходит не только медленно, но частично и – как мне кажется – в неверном направлении. Постсоветские научные исследования политической жизни

страдают от того, что политология, как академическая дисциплина, в советский период на протяжении многих десятилетий отсутствовала¹³. Проблема не просто в том, что сообщество политологов бывшего Советского Союза по большей части состоит из ученых, которые, будучи студентами и аспирантами, либо не изучали политическую науку вообще, либо изучали ее под руководством профессоров, которые, в свою очередь, имели недостаточную обществоведческую подготовку¹⁴. Возможно, главным вызовом постсоветской политологии является не столько определенный недостаток знаний или удивительная абсурдность некоторых подходов («новая хронология», гумилевщина, оккультная геополитика, этнополитология и т.п.) значительной части вовлеченных ученых¹⁵, сколько более глубокое структурное искажение в базовом понимании многих политологов на территории бывшего СССР сути и целей своих исследований.

Часто не полностью осознаваемым, но коренным отличием постсоветской политологии по сравнению с западной политической науке является то, что многие новоиспеченные политологи бывшего Советского Союза в своё время получали философское и, реже, правоведческое образование, а не подготовку в какой-либо наблюдательной науке. Или же они учились под руководством ученых, чьи онтология и методология исследований были сформированы в рамках неэмпирических дисциплин, таких как философия, юриспруденция, математика, литературоведение, логика и т.п. Сегодня не все, но многие из этих политологов учат студентов и оценивают научные работы в соответствии с критериями, которые почерпаны не из обществоведения или другой эмпирической науки. Источником критериев многих постсоветских политологов скорее являются аксиомы нормативной или, в лучшем случае, аналитической философии, а также, в некоторой степени, методологии иных неэмпирических дисциплин. Следуя этой традиции, постсоветские политологи имеют склонность воспринимать политические исследования как некое интеллектуальное, оценочное, литературное и/или интерпретационное упражнение, вместо того, чтобы относиться к ним как к аналитико-эмпирическому и сравнительному мероприятию.

Многие ученые с подобным бэкграундом не проявляют особый интерес к тонкостям научного дизайна и процедуры проведения систематического сбора, анализа, сравнения и изложения эмпирических данных – будь то качественных или количественных. По моим наблюдениям, постсоветские политологи относительно редко вовлечены в методологические дебаты о валидности и/или надежности тех или иных обобщений, полученных на основе исторических, статистических, сравнительных и иных целенаправленных исследований какого-либо четкого отрезка эмпирической реальности. Наоборот, они более склонны обсуждать значе-

¹³ Umland A. Teaching Social Sciences at a Post-Soviet University: A Survey of Challenges for Visiting Lecturers in the Former USSR // *European Political Science*. 2005. Vol. 4. № 2. P. 219-229.

¹⁴ Куделя С. Чи можлива в Україні політична наука? // *Критика*. 2012. № 1-2(171-172). P. 24-25.

¹⁵ Умланд А. Посткоммунистическое телевизионное обществоведение // *Гефтер*. 4 сентября 2012. <http://gefter.ru/archive/6019>. Последнее посещение 2 июля 2013.

ние той или иной политической гипотезы, исторического сценария, социальной схемы, политологического классика, влиятельного текста или научного термина. Хотя такого рода размышления имеют место как в политической, так и во всякой другой науке, они обычно проходят на краю дисциплины, которая занимается, в первую очередь, изучением реального мира, а не рефлексиями относительно своей собственной истории, терминологии и ситуации. В результате этого искажения, с одной стороны, в постсоветской политологии накопился избыток теоретических, философских, историософских, толковательных и концептуальных дискуссий. С другой стороны, есть поразительный недостаток первичных эмпирических исследований, не только номотетического, но и элементарного идеографического характера.

Последнее упущение даже относится к политической жизни на родине самих постсоветских политологов. Парадокс в том, что постсоветская политология предлагает множество более или менее оригинальных концептуализаций разных процессов сегодняшней внутренней и международной политики. Однако, она это часто делает на базе случайных ссылок на те или иные документы, события, цитаты и т.д. и исходя из описаний реального мира в журналистских или иных ненаучных очерках о текущих событиях. Представители не только старшего, но и молодого поколения постсоветской политологии, таким образом, иногда больше рассказывают о самих себе и о своем личном восприятии мира, чем о предполагаемых предметах своих наукообразных текстов. В связи с этой ситуацией, на сегодняшний день, многие сферы и аспекты политической жизни на постсоветском пространстве остаются в тени. Большая часть существующих научных описательных, эмпирических и кросс-культурных исследований постсоветской политики были сделаны не сотрудниками российских, украинских и других университетов и академий бывшего СССР, а западными учеными, социологическими службами или же постсоветскими неакадемическими исследователями¹⁶.

Примечательно, например, что в России подавляющее большинство ценных эмпирических исследований российского правого экстремизма постсоветского периода проводилось двумя гражданскими организациями – Агентством «Панорама» Владимира Прибыловского и Центром «Сова» Александра Верховского и недавно умершей Галины Кожевниковой, которые не имели каких-либо связей с российской академической сферой¹⁷. Показательно также, что ни один из украинских авторов представленного здесь проекта не является штатным работником какого-либо постсоветского университета или института академии наук. Учитывая то, что в Украине нет эквивалентов «Панорамы» или «Совы», в стране пока

¹⁶ О значении простого описания для политического анализа, см., напр.: Gerring J. Mere Description // *British Journal of Political Science*. 2012. Vol. 42. № 4. P. 721-746.

¹⁷ Arnold R. Field Note: Moscow's SOVA Center // *Problems of Post-Communism*. 2010. Vol. 57. № 6. P. 55-58.

отсутствует – если не считать несколько социологических опросов¹⁸ – серьезная информационная база данных о правых экстремистах.

Единственным частичным исключением являются годовые отчеты по ксенофобии в Украине Вячеслава Лихачева, который в 1990-х годах работал в Москве в «Панораме» Прибыловского. Позднее Лихачев переехал в Киев, где до недавнего времени он – при поддержке Евроазиатского еврейского конгресса и ВААДа – исследовал украинский ультранационализм, язык вражды и расистское насилие¹⁹. Лихачев проделал огромную работу высокого качества. Однако, он не имел надлежащего официального академического статуса и долгое время был изолированной фигурой в своей сфере, если не считать некоторых других неакадемических экспертов государственных или негосударственных анти-экстремистских структур в Киеве, таких как Максим Буткевич (Проект «Без Границ») или Яна Салахова (Международная организация по миграции). В результате этой печальной ситуации, многие детали подъема правого радикализма в постсоветской Украине, как, например, биографии лидеров или история предшественницы «Свободы», Социал-национальной партии Украины, по-прежнему остаются попросту неизвестными.

Западная политическая наука и правый экстремизм

Третьей причиной почти полного отсутствия, до недавнего времени, значимых научных публикации об украинском постсоветском ультранационализме является низкий статус исследований правого экстремизма в рамках международных общественных наук в целом – за частичным исключением политологии ФРГ (см. ниже). Если изучение фашистских и других правоэкстремистских движений до, между и после двух мировых войн является центральным для сообщества академических исследователей новейшей истории Европы, то мейнстрим послевоенной западной политической науки не проявляет – ни в своих исследованиях, ни в своей преподавательской деятельности – особого внимания к радикальным организациям, включая крайне правые. Так как ультранационалистические группировки играют лишь малую роль в большой политике Западной Европы и Северной Америки, большинство ведущих обществоведческих журналов редко сосредоточиваются на правом экстремизме. Даже ведущие англоязычные научные журналы в этой области – как, например, *Patterns of Prejudice* (Конфигурации предрассудка), *Journal for the Study of Radicalism* (Журнал изучения радикализ-

¹⁸ Панина Н.В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2006. № 1 (81). С. 26-38; Паниотто В.И. Динамика ксенофобии и антисемитизма в Украине (1994-2007) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 197-214.

¹⁹ Мониторинг ксенофобии // Евроазиатский Еврейский Конгресс. <http://eajc.org/page443>. Последнее посещение 2 июля 2013.

ма), *Ethnic and Racial Studies* (Этнические и расовые студии), *Journal of Political Ideology* (Журнал политической идеологии), *Totalitarian Movements and Political Religions* (Тоталитарные движения и политические религии), *Nationalism and Ethnic Politics* (Национализм и этническая политика) и *Nations and Nationalism* (Нации и национализм) – имеют в лучшем случае средний статус в западных социальных науках.

Очевидная причина этого пренебрежения – это низкое политическое влияние радикальных группировок на принятие общественно значимых решений в послевоенной внутренней политике и сегодняшних международных отношениях Запада. В результате этого, общественный спрос на подробное освещение экстремистских тенденций на Западе был и остается ограниченным. Свою роль в относительном игнорировании политического экстремизма в обществоведческом мейнстриме в последние 30 лет сыграл и сдвиг западной политической науке в сторону объяснительных моделей на базе рационалистских аксиом, математических методов и игровой теории – т.е. подходы, которые часто не годятся для информативного изучения и разъяснения идеологии и поведения фанатично настроенных политических деятелей и их электората²⁰.

Частичным исключением является Германия, где – по понятным историческим причинам – существуют относительно большие сообщества (а) по большей части левацких исследователей международного расизма и (б) часто консервативно настроенных исследователей европейского экстремизма, которые выпускают целый ряд периодических изданий. Вероятно, наиболее важным из них является *Jahrbuch Extremismus & Demokratie* (Ежегодник экстремизма и демократии), который был основан в 1989 году и в настоящее время издается Институтом политической науки Кемницкого технического университета и Институтом им. Ханны Арендт Дрезденского технического университета, оба в Саксонии. Однако даже в Германии существует лишь несколько обществоведческих кафедр, в портфолио которых входят исследования международного правого экстремизма. А если такие направления существуют, то они чаще всего сосредоточены на страны Европейского Союза.

Вследствие относительной незаинтересованности международных социальных наук в мировом правом экстремизме, они оказались не готовы к подъему и значению правого экстремизма во внутренней политике и международных отношениях посткоммунистической Восточной Европы. В частности, западная политическая наука долго не осознавала ту существенную роль, которую обрели ультра националисты в последние два десятилетия на национальном уровне осо-

²⁰ Umland A. Nationalism, Fundamentalism and Tribalism as Political Science Subjects // CEU Political Science Journal. 2007. Vol. 2. № 2. P. 102-105.

бенно в России и Сербии, но также и, в несколько меньшей степени, в Польше, Словакии, Румынии, Венгрии, а сейчас и в Украине²¹.

Националистические симпатии в украинском обществоведческом сообществе

Четвертая и наиболее чувствительная причина относительного академического невнимания к этно-националистическому правому радикализму в Украине относится к структуре как историко-политических исследований в Украине, так и украинистики в США и Канаде, где сконцентрировано наибольшее число исследователей-украиноведов. В североамериканскую школу украинистики входил и входит ряд эмигрантов из Украины, которые либо были связаны с Организацией украинских националистов (ОУН), либо имели/имеют симпатии к ней. ОУН, однако, одновременно и та партия, действия и идеология которой сегодня являются главными источниками вдохновения всех украинских этно-националистических партий – не в последнюю очередь радикальных.

В самой Украине также существует широкий ряд историков и обществоведов, которые осознают себя патриотами и склонны смотреть на галицкий и диаспорский культ вокруг ОУН с пониманием или даже с симпатией. Подобное отношение, широко распространенное в среде украинской интеллигенции, усиливается, если не вообще мотивируется, демонизацией военного крыла ОУН – Украинской повстанческой армии (УПА) – как в советской пропаганде до 1991 года, так и в сегодняшних антиукраинских российских или пророссийских СМИ и псевдонаучных исторических исследованиях. В последние месяцы, эта и до того напряженная ситуация в Украине еще более обостряется тем, что политтехнологи правящей Партии регионов используют целенаправленную политическую эскалацию вокруг якобы «фашистов» (т.е. проукраинских этно-националистов) и якобы «антифашистов» (т.е. пророссийских пан-националистов) как инструмент внутренней и международной легитимации авторитарного режима Януковича.

Правда, целый ряд публичных апологетов идеологии и деятельности ОУН демонстративно держат дистанцию к таким организациям как «Свобода», «Патриот Украины» или УНА-УНСО. Так же стоит отметить, что для некоторых патриотически настроенных обществоведов как внутри, так за пределами Украины их националистические взгляды не мешают им с нужным вниманием относиться к современным праворадикальным политическим группам. Но все же, видимо, для многих украинских политиков-демократов, либеральных интеллектуалов, прозападных журналистов и научных исследователей симпатизирующий подход

²¹ К немногим русскоязычным сравнительным исследованиям в этой области принадлежит недавняя монография: Шеховцов А. Новые праворадикальные партии в европейских демократиях: причины электоральной поддержки. Explorations of the Far Right. Vol. 1. Stuttgart, 2011.

к историческому украинскому радикальному национализму имеет и определенные последствия для их отношения к нео-бандеровскому крылу правого радикализма в сегодняшней Украине. С такой точки зрения, существующие в Украине экстремистские этно-националистические тенденции воспринимаются как, возможно, чрезмерные, но все-же – по крайней мере, частично – понятные, безопасные или даже желательные проявления украинской национальной идентичности и гордости²². Например, даже такие утонченные и известные западные украиноведы с украинскими корнями и, вообще-то, резкие критики ультра национализма, как Тарас Кузьо и Александр Мотыль, еще весной 2012 г., когда взлет «Свободы» уже был явным (не только для специалиста), продолжали публично уменьшать политическую значимость и настойчиво отрицать электоральные шансы украинского партийного радикального этно-центризма²³. Возможно, удивительное

²² Marples D. Stepan Bandera: The Resurrection of a Ukrainian National Hero // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 4, 2006. P. 555-566; Rudling P.A. Theory and Practice: Historical representation of the wartime accounts of the activities of the OUN-UPA (Organization of Ukrainian Nationalists – Ukrainian Insurgent Army) // *East European Jewish Affairs*. 2006. Vol. 36. № 2. P. 163-189; Jilge W. Nationalukrainischer Befreiungskampf: Die Umwertung des Zweiten Weltkrieges in der Ukraine // *Osteuropa*. 2008. Vol. 58. № 6. P. 167-186. Katchanovskii I. Terrorists or National Heroes? Politics of the OUN and the UPA in Ukraine // *Academia.edu*. 2010. http://www.academia.edu/454566/Terrorists_or_National_Heroes_Politics_of_the_OUN_and_the_UPA_In_Ukraine. Последнее посещение 9 августа 2013; Рудлинг П.А. Ющенків фашист: культ Бандери в Україні та Канаді // *Страсті за Бандерою: статті та есеї* / Упоряд. Т.С. Амар, І. Балинський, Я. Грицак. Київ, 2010. С. 237-309; Snyder T. A Fascist Hero in Democratic Kiev // *The New York Review of Books Blog*. 24 февраля 2010. <http://www.nybooks.com/blogs/nyrblog/2010/feb/24/a-fascist-hero-in-democratic-kiev/>. Последнее посещение 9 августа 2013; Rudling P.A. The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. № 2107. Pittsburgh, 2011; Himka J.-P. Debates in Ukraine over Nationalist Involvement in the Holocaust, 2004-2008 // *Nationalities Papers*. 2011. Vol 39. № 3. P. 353-370; Amar T.C. Different but the Same or the Same but Different? Public Memory of the Second World War in Post-Soviet Lviv // *Journal of Modern European History*. 2011. Vol. 9. № 3. P. 373-396; Cantorovich I. Honoring the Collaborators - the Ukrainian Case // *Tel Aviv University Kantor Program Papers*. 2012. June. http://www.kantorcenter.tau.ac.il/sites/default/files/ukraine-collaborators_4.pdf; Umland A. Der ukrainische Nationalismus zwischen Stereotyp und Wirklichkeit: Zu einigen Komplikationen bei der Interpretation von befreiungs- vs. ultranationalistischen Tendenzen in der modernen Ukraine // *Ukraine-Analysen*. 2012. № 107. P. 7-11; Katchanovski I. The Politics of World War II in Contemporary Ukraine. Paper presented at the 18th Annual World Convention of the Association for the Study of Nationalities, Columbia University, New York, April 18-20, 2013. http://academia.edu/3378079/The_Politics_of_World_War_II_in_Contemporary_Ukraine. Последнее посещение 9 августа 2013; Качановський І. Сучасна політика пам'яті на Волині щодо ОУН(б) та нацистських масових вбивств // *Україна Модерна*. 2013. 3 квітня. <http://www.uamoderna.com/md/199>. Последнее посещение 9 августа 2013; Качановський І. ОУН(б) та нацистські масові вбивства літом 1941 року на історичній Волині // *Україна Модерна*. 2013. № 20. В печати.

²³ Kuzio T. The Problem in Ukraine Isn't Svoboda, It's Yanukovich: A Reply to Ivan Katchanovski // *Open Democracy*. 12 April 2012. <http://www.opendemocracy.net/od-russia/taras-kuzio/problem-in-ukraine-isn%E2%80%99t-svoboda-it%E2%80%99s-yanukovich-reply-to-ivan-katchanovski>. Последнее посещение 12 августа 2013; Motyl A. Extremism in Ukraine // *World Affairs Journal*. 13 April 2012. <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/alexander-j-motyl/extremism-ukraine>. Последнее посещение 15 апреля 2013. См. также критику Кузьо и Мотыля у: Белицер Н. Всеукраин-

упорство аналитической миопии Кузьо и Мотыля стоит также рассматривать как иллюстрацию здесь упомянутых преубеждений в значительной части эмигрантской украинистики.

Для многих «патриотичных» украинских наблюдателей, украинские крайние правые получили легитимность в 1990-е гг. посредством продолжения исторических традиций радикально этно-центристской части украинского освободительного движения советского периода и вовлечения в новые националистические организации посткоммунистической Украины легендарных ветеранов ОУН вроде Славы Стецько (1920-2003), вдовы Ярослава Стецько (1912-1986), или Юрия Шухевича, сына Романа Шухевича (1907-1950)²⁴. Сегодня большая часть украинской интеллигенции с терпимостью или симпатией, а иногда и с восхищением смотрит на «Свободу» как на наиболее радикальную часть оппозиции Януковичу и на – предположительно – самых эффективных защитников украинской независимости и самобытности в Верховной Раде.

Однако послевоенные институты европейской интеграции (Совет Европы, Европейские сообщества, ЕСПЧ и др.), за полноценное признание и участие в которых стремится почти вся украинская элита, с самого начала являлись антинационалистическими. Они в первую очередь были ответами на ультранационалистические эксцессы в Европе первой половины XX века и, в отличие от одновременно созданного североатлантического альянса, только во второй степени – антисоветскими проектами.

Тем не менее, популярным ответом многих украинских прозападных интеллектуалов на критику украинского национализма – даже его самых ксенофобских исторических и сегодняшних проявлений – был и остается тезис, что такие разоблачения находятся в русле идеологии не Европейского, а Советского Союза, и выражают не западные, а российские предпочтения. Отсюда и множество недоумений в отношениях украинской элиты с официальными представителями Брюсселя и стран ЕС (особенно Польши), а также Израиля. По всей видимости, заметный дефицит критического анализа «Свободы» и схожих партий связан с таким особым подходом к украинской политике со стороны патриотически настроенных историков, социологов и политологов, как в Украине, так и в среде украинской эмиграции на Западе.

С помощью ниже предложенных и подобных статей в этой и последующих спецсекциях мы надеемся постепенно закрыть все еще большую лауну украинистики в области изучения правого экстремизма в Украине. В качестве соредактора *Форума* я, пользуясь возможностью, приглашаю подавать к рассмотрению

ское объединение «Свобода» и его электорат в контексте парламентских выборов 2012 г. (в печати).

²⁴ О некоторых аспектах данного вопроса, см.: Панченко В.Г. Легалізація та діяльність ОУН в Україні протягом 1990-х рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. Вип. XXX. С. 38-41. http://archive.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Npifznu/2011_30/panchenko.pdf. Последнее посещение 9 августа 2013.

для возможной публикации дополнительные статьи, содержащие детальные эмпирические исследования разных аспектов деятельности украинских радикально националистических организаций – не в последнюю очередь тех, которые исповедуют пророссийские взгляды.

Перевод с английского: Антон Шеховцов